

варум die auf die Unterscheidung der Regularität/Irregularität orientierte Darstellung so selbstverständlich einer anderen Beschreibungsweise vorzuziehen ist? Nicht für jeden Forscher muß dies durchaus selbstverständlich sein.

In eine andere Richtung geht die zweite Bemerkung. Gegen die in der Arbeit zur Veranschaulichung der Begriffe und Prinzipien vorgebrachten zahlreichen englischsprachigen Beispiele ist zwar nichts einzuwenden, denn diese Sprache ist nach den entsprechenden Prinzipien tiefergründiger erforscht worden als irgendeine andere Sprache, doch von zweifelhaftem Wert ist der Fakt, daß viele Termini im Text englischsprachig erscheinen, ohne nicht einmal versuchsweise estnischsprachige Entsprechungen zu finden (Item-and-Process-mudel u. a.) Sogar das vom

Verfasser erarbeitete Modell für die Darstellung der Affixe erhielt eine englischsprachige Bezeichnung (Word-and-Affix-mudel). Es ist kaum anzunehmen, daß dies als ein Beitrag zur Entwicklung der Forschungsarbeit auf dem Gebiet der estnischen Sprache zu werten ist, was immerhin als Grund angegeben wurde bei der Einführung des Rechts, Dissertationen nicht wie bisher in russischer, sondern in estnischer Sprache schreiben und verteidigen zu dürfen.

Zusammenfassend sei konstatiert, daß die Kandidatendissertation von T. Help sowohl in theoretischer als auch praktischer Hinsicht eine sehr wichtige Forschungsarbeit darstellt.

HALDUR OIM (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1991.4.13>

О. А. Сергеев, Рукописные словари марийского языка XVIII—XIX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1990.

17 декабря 1990 г. на заседании Специализированного совета Д. 069.02.07 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Тартуском университете состоялась защита кандидатской диссертации ассистентом кафедры марийской филологии Марийского государственного университета О. А. Сергеевым на вышеуказанную тему. Исследование выполнено на кафедре финно-угорских языков Тартуского университета. Научные руководители — академик АН Эстонии доктор филологических наук профессор П. Аристэ, доктор филологических наук профессор Э. Вяэри. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор М. В. Мосин (Саранск) и кандидат филологических наук доцент А. Н. Куклин (Йошкар-Ола).

Известно, что исследование диахронических проблем финно-угроведения (уралистики) сопряжено с серьезными трудностями, одной из которых является отсутствие древнейших письменных памятников на многих родственных языках. Поэтому неслучайно исследование О. А. Сергеева имеет целью системное описание, историко-лингвистическую и палеографи-

ческую интерпретацию рукописных словарей марийского языка XVIII—XIX вв. Отсюда, по мнению автора, вытекают следующие задачи: выявление в меру возможностей существующих рукописных лексикографических трудов по марийскому языку; установление времени создания первых двуязычных (русско-марийских, марийско-русских, немецко-марийских) словарей и внесение корректив в их хронологию; определение их диалектных основ; классификация рукописей по охвату материала на словари, тематические словники, «речения» и определение типов словарей; выявление истории создания рукописных памятников; установление вариантов словарей; определение их объема с использованием элементов статистического анализа; освещение основных сторон лексикографической практики (принцип составления, построение словарной статьи, иллюстрации к значениям, пометы, принцип перевода слов, толкование значений слова, грамматическая характеристика) в сравнительно-историческом плане; анализ графофонетических, лексических особенностей рукописи и грамматическая характеристика слов (с. 4—5).

Решение этих вопросов необходимо для исследования общих проблем истории развития марийского языка и его лексики, основными звеньями которых являются эволюция употребительности слова, т. е. фиксация времени его появления и отражение дальнейшего его бытования в языке, сокращение употребительности и выход лексемы из активного словаря, указание на изменения структурно-семантического плана и т. д. Кроме того, они важны для уточнения времени возникновения марийской письменности и зарождения литературного языка. Рукописные памятники представляют большой интерес для специалистов, изучающих социально-экономические и культурные взаимоотношения марийского народа с неродственными по языку соседствующими народами, контакты с которыми способствовали возникновению иноязычных наслоений в лексической системе марийского языка.

Обогащение словарного состава языка за счет внутриязыковых ресурсов и иноязычных элементов привели к тому, что современная марийская лексика отличается от лексики родственных языков как составом, так и источниками заимствований. Поэтому рукописные словари предшествующих столетий представляют определенный научный интерес для финно-угроведения и уралолистики.

Несомненно, тема работы актуальна и обращение к ней своевременно и для решения научно-практических вопросов марийского языкознания, один из центральных среди них — составление и издание многотомного словаря марийского языка. Следует отметить, что первый том «Словаря марийского языка» на буквы А—З издан в Йошкар-Оле в 1990 г. Кроме того, редкие и забытые слова, сконцентрированные автором в приложении 4 (с. 272—292), представляют интерес для составителей «Этимологического словаря марийского языка». Теоретические положения работы, основные ее выводы и иллюстративный лексический материал могут быть использованы при подготовке к переизданию учебника «Современный марийский язык. Лексикология» для вузов.

Решение поставленной цели осуществлено автором на основе анализа значительного количества рукописных лексикографических источников, а также критического обобщения теоретических изыска-

ний по проблемам источниковедения. Используемые методы отличаются новизной, анализ материала логичен и последователен, что, бесспорно, придает достоверность исследованию. Привлечение многочисленных памятников и их многоаспектное лингвистическое описание говорят о том, что работу следует рассматривать как первое обобщающее исследование начального этапа истории марийской лексикографии.

Общий объем работы — 297 машинописных страниц, она состоит из предисловия, введения, четырех глав, заключения и списков сокращений и символов. В качестве приложения даны список использованных рукописных источников, 10 таблиц, материалы к I главе, список забытых и редких слов (глоссарий). Список использованной литературы включает 375 наименований. Кроме того, в справочных целях без ссылок использованы автором 58 работ.

В предисловии (с. 2—11) аргументированно обосновывается выбор темы, определяются цели и задачи исследования, описываются принципы и методы, теоретическая и прикладная значимость работы. Здесь же приведены источники, из которых извлечен материал исследования.

Введение (с. 11—16) содержит краткую, но обстоятельную характеристику истории лексикографических работ. Исходя из перечня трудов, следует заметить, что О. А. Сергеевым проделана значительная работа по изучению и критическому обобщению теоретических изысканий, касающихся данной проблемы. Начиная с работ русских просветителей конца XIX — начала XX в. и кончая трудами современных отечественных и зарубежных исследователей, по существу ни одна работа не осталась вне поля его зрения. Автор с большим вниманием проанализировал не только изыскания по марийским рукописным словарям, но и аналогичные труды по родственным, а также по некоторым индоевропейским и тюркским языкам.

Следует отметить, что исследование печатных и рукописных источников марийского языка имеет более чем столетнюю историю — от Ф. Й. Вийдемана (1847), Я. Грота (1877), А. Можаровского (1878), М. Силаши (1901) до современных исследователей. Однако нужно согласиться с замечанием автора в том, что обращение к этим источникам как зарубежным, так

и отечественных исследователей носило спорадический характер, а скудные сведения о них, встречающиеся в литературе, страдают неточностями. Лишь в последние годы в связи с разработкой вопросов истории письменности и литературного языка, усилением этимологических изысканий и лексикографической работы внимание исследователей к письменным памятникам марийского языка XVIII—XIX вв. повысилось. Однако анализ рукописей все еще остается поверхностным.

Первая глава «Общая характеристика рукописных словарей марийского языка XVIII—XIX веков», самая большая по объему (с. 17—77), посвящена, с одной стороны, социально-политическим предпосылкам появления рукописных словарей, с другой, анализу их структурного оформления. Она состоит из двух самостоятельных разделов.

В первом разделе хронологически последовательно рассматривается историческая обстановка создания отдельных списков слов и словарей, прослеживается активная работа государственных деятелей и ученых по организации сбора и систематизации языкового материала. О. А. Сергеев глубоко изучил сложившуюся социальную обстановку появления каждого письменного памятника. В разрешении этого вопроса он опирается на широкие исторические сведения. На наш взгляд, вполне убедительно мнение исследователя о том, что социально-политическими предпосылками появления рукописных словарей являются 1) идея составления «Сравнительного словаря всех языков и наречий» с целью изучения языков и культуры малочисленных народов России; 2) миссионерская деятельность в процессе христианизации нерусских народностей; 3) академическая деятельность, вызванная созданием и развитием сравнительно-исторического метода в финно-угроведении; 4) интерес к лексикографической деятельности отдельных грамотных людей того времени.

Во втором разделе дана подробная характеристика каждому из 39 зафиксированных памятников (из которых 37 рукописей выполнены средствами русской графики, а два — латинской) по их структурному содержанию. Общий объем рассмотренных рукописей лишь в первом варианте составил более 2100 листов, содержащих 37404 лексические единицы

марийского языка. В процессе анализа автору удалось глубоко проникнуть в содержание языкового материала.

Интерес представляет прежде всего диалектная основа рукописных памятников. Данные говоров выступают в них в разных соотношениях. Сравнивая лексику рукописных словарей с материалом современных марийских диалектов, автор пришел к выводу, что большинство записей осуществлено в лексике лугового и восточного наречий (по 8 источников). Памятники письменности, содержащие лексику северо-западного и горного наречий, распределяются следующим образом: 7 рукописей составлены на северо-западном, а 4 — на горном наречиях. Кроме того, в некоторых памятниках одновременно представлена лексика двух наречий: лугового и восточного — 3 источника, лугового и горного — 2 источника, горного и северо-западного — 1 источник. Одна из рукописей XVIII в. составлена на переходном (от красноуфимского к кунгурскому) говоре восточного наречия. У некоторых памятников из-за пестроты языковых особенностей принадлежность к тому или иному наречию не отмечена (5 источников).

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на значительные трудности, связанные с отсутствием диалектных словарей по многим современным марийским говорам, автор в основном правильно определил территориальную приуроченность слов, включенных в рукописные памятники. Однако вызывает сомнение определение диалектной основы «Черемисско-русского словаря» А. Бессонова (№ 1243), хранящегося в Научно-справочной библиотеке Государственного архива Кировской области. По мнению О. А. Сергеева, он составлен на северо-западном наречии. Такой вывод сделан на основе анализа фонетических и лексических особенностей, а также расшифровки ограничительной пометы яр. — яранский говор. Однако в словаре встречаются пометы ур., ор. Первая, как справедливо замечает автор, означает уржумский, а относительно второй он высказать что-либо определенное затрудняется (с. 56—58). Помета ор. означает оршанский (населенный пункт Оршанка находится на территории распространения йошкар-олинского говора). Косвенным подтверждением служат лексемы типа *кӧдлечь* 'колодец', *огырцо* 'огу-

рец' (с. 125) и другие, встречающиеся в йошкар-олинском говоре. Ср. семантически идентичные слова северо-западного наречия: *ко-лдец*, *лэл-рцо* яр., тонш. (примеры см. И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров, *Словарь северо-западного наречия марийского языка*, Йошкар-Ола 1971, с. 85, 246). Исходя из этого, с уверенностью можно констатировать, что словарь вообрал в себя лексические данные лугового (уржумского, йошкар-олинского говоров) и северо-западного (яранского говора) наречий марийского языка.

Не вызывает возражения деление анализируемых рукописей на три группы: 1) словари, 2) тематические словники и 3) «собрания слов» — «лингвистические отчеты» профессоров Камчатских экспедиций.

Древние памятники письменности отражают картину зарождения и становления марийской лексикографии. Автором установлено, что в течение XVIII—XIX вв. по разным причинам было подготовлено 15 рукописных словарей, из них в XVIII в. — 3, в XIX в. — 12. Здесь же им определена структура словарей, которые по охвату лексического материала сгруппированы на большие — 5, средние — 6 и краткие — 4.

Особо выделены О. А. Сергеевым тематические словники, содержащие 286—287 русских слов, переведенных на марийский язык разными людьми, начиная с архиепископа и профессионального переводчика и кончая толмачами-марийцами. В результате кропотливых поисков автор обнаружил 18 таких словников, в том числе двуязычных — 11, трехязычных — 2, четырехязычных — 4 и пятиязычный — 1.

Автор прав, что среди неопубликованных материалов наибольшую ценность представляют «лингвистические отчеты» — «собрания слов» участников Камчатских экспедиций, где наряду с марийскими лексемами бытуют отдельные выражения и даже целые предложения, что позволяет увидеть морфологические формы и синтаксические функции слова. Автору удалось отыскать 6 таких речений, среди которых одноязычное — 1, двуязычных — 3, четырехязычных — 2.

Интересен для лексикографов вывод автора о том, что марийские рукописные словари можно разделить на две группы: 1) оригинальные, которые составлены с

помощью информантов на основе живого народного языка и выбора лексических единиц из письменных источников (например, словарь Д. Дамаскина); 2) компилятивные, которые составлены на основе предшествующих словарей (словарь Ф. Земляничного).

Во второй главе «Структура рукописных словарей» (с. 78—112) прослеживаются принципы построения (подача словарных статей, иллюстрации к значениям и принципы перевода слов). Автор приходит к выводу, что начальная лексикография марийского языка строилась по традиции русской лексикографии: алфавитной, или семасиологической, и тематической, или ономасиологической. Первые словники были тематическими (30-е годы XVIII в.), последующие — алфавитными (конец XVIII в.). Словари, созданные на рубеже XVIII и XIX веков, в основе своей сочетали алфавитное расположение материала с гнездовым. Анализируя словарные статьи, автор убеждается, что их содержание основано на частеречной принадлежности слова, т. е. в словарях представлены все части речи марийского языка, однако доминируют существительные. Вместе с тем автор обращает внимание на то, что лексикографами-экспериментаторами в качестве заглавного слова использованы топонимические, ономато-позитические лексемы, а также слова детской речи, этнонимы и т. н. эмоциональная лексика. В ряде рукописей после заглавного слова приводятся диалектные варианты. Характеризуя внутреннюю природу словарных статей, автор подмечает, что некоторые рукописи осложнены омонимией, иногда в корневые группы включены и синонимические пары, а также антонимы. В большинстве словарей в качестве иллюстрации выступают одиночные слова и словосочетания, отдельные же содержат целые предложения, сочиненные составителями.

Большой интерес для теории и практики лексикографии представляет анализ употребления различного рода помет при слове. По мнению исследователя, они распадаются на два типа: одни относятся к формальной стороне языковой единицы (грамматические), другие раскрывают содержание лексемы. Здесь невольно напрашивается вопрос, не относится ли эта важная часть лексикографического труда больше к лексикографической технике,

нежели к семантике? Во всяком случае, выводы автора теоретически верны.

Обстоятельно рассматриваются переводы слов входного (русского) языка, способы передачи слов, не имеющих эквивалентов в языке перевода, и восполнения недостатка лексических средств для номинации отдельных предметов и явлений объективной действительности, а также употребления элементов толкований.

В работе над диахроническим словарем общефилологического, толкового-переводного типа полезны замечания автора об исторической проекции слова, т. е. установлении его «нижней» и «верхней» границ фиксации. Разделяя мнение О. А. Сергеева в определении «верхней» границы многих слов, рецензенты усомнились лишь в одном: не является ли современное мар. *шб́вал* 'сливки, сметана' фонетическим вариантом рукописного *жорга́* 'сметана', отнесенного автором в разряд забытых? Подобные факты могут натолкнуть на мысль, что данным рукописным словарей не следует доверяться слепо. Совершенно справедливо поступил О. А. Сергеев, сличая данные первичного и вторичного вариантов рукописей с целью выявления индивидуальных ошибок составителей, результатов влияния родного говора переписчика, случайных описок в употреблении графем и т. д.

В третьей главе «Графофонетика» (с. 113—158) обсуждаются проблемы определения почерков, интерпретируются употребление разного рода «архаизмов» — знаков скорописи, рассматриваются особенности передачи марийских слов на базе русской графики, ибо созданная на основе латинского алфавита графика не получила широкого распространения. Хотя она, как верно считает автор, более точно отражала особенности марийских звуков. Исходя из графического оформления источников, О. А. Сергеев отмечает, что более ранние лексикографические работы, т. е. рукописи XVIII в., выполнены полууставным почерком и скорописью, а отдельные рукописи XIX в. — индивидуальным почерком.

Одна из ключевых задач рассматриваемой главы — разбор системы фонем. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что для обозначения гласных и согласных звуков использовались различные приемы. Кроме того, составители старались передавать графически все

позиционные особенности, т. е. варианты фонем, а не сами фонемы. Основное внимание уделяется характеристике качественного состояния отдельных графем. Остановившись на анализе частных фонетических явлений, О. А. Сергеев отметил, что из двух ныне действующих разновидностей гармонии гласных в рукописи преобладает лабиальный сингармонизм. С особой осторожностью автор критически рассматривает слова с ощутимыми отличиями в фонетическом аспекте, вызванными субъективным восприятием марийских звуков.

Наряду с бесспорными достоинствами анализа графофонетики О. А. Сергеева хотелось бы отметить и отдельные неточности и погрешности. Так, широкое бытование фонемы *x* в горном наречии объясняется автором тем, что предки горных мари раньше вступили в культурно-экономические взаимоотношения с русскоязычным населением и жили в соседстве с чувашами, а потому заднеязычный *x* могли воспринять как из русского, так и из чувашского языка (с. 152—153). Следует отметить, что толчком для появления и укрепления инновационного согласного *x* в консонантизме горного наречия послужили в основном болгарские и чувашские слова, имеющие в структуре аналогичный звукотип. Например, марГ *ха·ла* 'город' <булг.: чув. *хола*, марГ *хы·ла* 'саврасый, буланный' <булг.: чув. *хӓла*, марГ *хы·на* 'гость' <булг.: чув. *хӓна* и др. Несомненно, сфера бытования заднеязычного *x* заметно расширилась благодаря русским заимствованиям.

В слове *кӓмпо* 'гусь' автор считает первичным звонкий согласный *б*, а глухой *п* — звуком вторичного образования. Напротив, в указанной лексеме билабиальный *б* возник под ассимилятивным влиянием сонанта *м* из глухого *п*, ср., например, генетически родственные слова финно-угорских языков: фин. *sompа* 'кружок лыжной палки' и мар. *шумба* 'болото'; удм. коми *льӧмпу* 'черемуха' и мар. *ломбо*.

Четвертая глава (с. 159—186) посвящена характеристике лексико-семантического состава рукописных словарей XVIII—XIX вв. Несомненный интерес представляет тематическая стратификация базовой лексики марийского языка: этнографическая, слова, связанные с религиозным мировоззрением марийского народа, и т. д.

Кроме того, неопубликованные рукописи отражают богатый пласт диалектной лексики, включение ее в корпус словаря, как полагает автор, связано со стремлением к выработке общенациональной нормы марийского языка.

Примечательно, что при характеристике эволюции значений отдельных лексем, интерпретации изменения первоначального значения или смыслового объема в семантической плоскости слова, объяснении причин появления новых значений или их оттенков автору всегда удается моделировать лексико-семантическую систему марийского языка двухсотлетней давности и рассматривать функционирование слова на фоне развития языка. Так, семантика лексемы *кашкь* 'птица' (с. 167), перв. 'дикий зверь; дикая домашняя птица' (д. 94, оп. 2, № 107), в течение пройденного периода подверглась сужению, а значение *ишка* 'гвоздь' (№ 1287), совр. 'вешалка' (с. 168), наоборот, расширилось.

Весьма правомерно утверждение автора, что в рукописных словарях удается установить лишь отдельные тривиальные факты грамматического строя марийского языка.

Глава содержит интересную информацию о редких и забытых словах. Так, в ряд редких перешли многие лексемы финно-угорского происхождения, которые в современном марийском языке не употребляются, например: *вють кубуль* 'пузырь на воде' (№ 197/1), *ниоль* 'копьянка стрела' (ф. 2013, оп. 602-а, № 186) и др. Это явление вызывает серьезную озабоченность автора, так как бесценность материала для диалектологии и истории языка бесспорна.

Необходимо отметить, что каждая глава по изложению содержания материала имеет законченную структуру и завершается обычно краткими выводами. Наряду с выводами по каждой главе работа снабжена пространным заключением (с. 187—194), содержащим основные результаты исследований.

В приложении I (с. 243—250) содержится перечень использованных рукописных источников, хранящихся в центральных и местных архивах Союза ССР, в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-

Шедрина (Эрмитажное собрание), отделе рукописей и редких книг библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета, научно-рукописном фонде Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева. Автором исследовано 59 рукописных лексикографических работ первичного и вторичного вариантов.

В приложении II (с. 251—262), несомненно, привлекут внимание языковедов таблицы «Тематические словники и их данные» (с. 251—253), «Структура и графика словников» (с. 254), «Словари и сведения о них» (с. 255—256), «Графемы и их варианты начертаний» (с. 258) и т. д.

Большой интерес представляет приложение III (с. 263—271), где содержатся фрагментарные сведения об истории создания отдельных рукописей, отрывочные данные об авторах словарей и другие разрозненные факты, прилагаемые для более полного освещения I главы.

Приложение IV называется «Список забытых и редких слов (гlossарий)» (с. 272—292). Оно может послужить базой для этимологических изысканий. Думается, что составители толкового, терминологического и словарей других типов, диалектологи и исследователи отдельных языковых уровней смогут найти в этом списке немало полезного для сравнительно-сопоставительного изучения финно-угорских языков и их диалектов.

Как и в любой работе, встречаются и здесь спорные моменты и отдельные недочеты. Прежде всего следует заметить, что неоправданно велик список использованной литературы — на 44 с. В нем наличествуют отдельные труды, имеющие весьма косвенное отношение к данной теме. Отдельные формулировки не совсем точны, а кое-какие погрешности стилистического характера не имеют существенного значения.

В целом работа О. А. Сергеева представляет собой законченное и обстоятельное исследование и восполняет существенный пробел в изучении неопубликованных рукописей XVIII—XIX вв.

МИХАИЛ МОСИН (Саранск),
АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)